

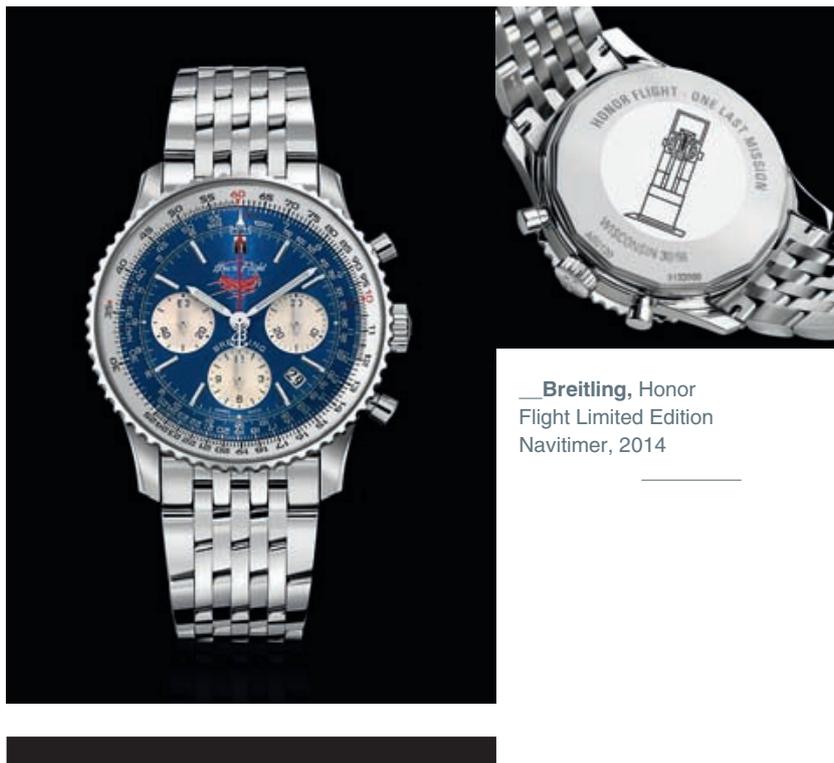

—Граффити на Потсдамерплац, Западный Берлин, 1987 год

Бонн. Дворец Шаумбург. 18 мая 1990 года. Полдень

Подписание документа, который должен был символизировать невозвратность процесса воссоединения германских земель, превратили в символическое шоу. Телекомпании ФРГ и государственное телевидение ГДР вели прямую трансляцию из дворца Шаумбург, резиденции федерального канцлера. За столом, за которым работал еще Конрад Аденауэр, сидели министры финансов обеих Германий — Теодор Вайгель (ФРГ) и Вальтер Ромберг (ГДР). За их спинами стояли улыбающиеся Гельмут Коль и председатель совета министров ГДР Лотар де Мезьер. Чуть после полудня Вайгель и Ромберг скрепили своими подписями документ с длинным и скучным названием «Договор о создании валютного, экономического и социального союза между Германской Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германией». В соответствии с договором, который вступал в силу уже с 1 июня, валютой ГДР становилась немецкая марка, а

ФРГ брала на себя обязательства по фактическому управлению бюджетом ГДР и системой социального обеспечения Восточной Германии. С вступлением в силу этого документа подписание соглашения о политическом объединении двух стран становилось лишь формальностью. Однако договор мог бы остаться лишь мечтой, если бы не события ноября 1989 года. С ростом вероятности объединения Германий росло и сопротивление — непубличное, но от этого не менее сильное — со стороны трех из четырех государств, некогда составлявших антигитлеровскую коалицию. СССР, Франция и Великобритания совершенно не мечтали о восстановлении Германии. Пока ГДР управлял Эрих Хонеккер, который, кстати, будучи в 1961 году секретарем ЦК СЕПГ, отвечавшим за вопросы безопасности и обороны, собственно, и придумал операцию «Роза» по созданию стены, Париж, Лондон и Москва вели себя расслабленно, понимая, что никакого объединения не будет. Но в сентябре 1989 года Хонеккер был вынужден уйти в отставку, и все изменилось. От ФРГ и ГДР требовали гарантий того, что сближение государств не перейдет в объединение. Франсуа Миттеран, считавший воссоединение Германии грандиозной катастрофой и личным ударом по нему, герою-партизану, лично ездил в Бонн и Берлин агитировать против объединения. Сторонникам германского единства нужна была публичная и очевидная демонстрация стремления немецкого народа к единству. Такая, от которой невозможно было бы ни отмахнуться, ни поставить ее под сомнение, ни проигнорировать под страхом потери собственной политической репутации. Падение Берлинской стены под напором безоружных и спонтанно организовавшихся граждан ГДР как раз и был такой удачной демонстрацией. После событий 9 ноября 1989 года в Берлине уже ни один дорожащий своим именем политик не мог даже подумать о том, чтобы публично усомниться в справедливости и необходимости объединения. Темой торга ФРГ и ГДР с Британией, Францией и СССР стало уже не само объединение, а его обстоятельства и условия.

—Breitling, Honor Flight Limited Edition Navitimer, 2014

В течение нескольких часов осажденными оказались все контрольно-пропускные пункты

—Breitling, «авиаторские» часы, 1940